

■ Концептуальная исследовательская статья / Conceptual article

Философия поступка. Ответственность как рациональность сопричастности

Г. Л. Тульчинский
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается содержание философии поступка, представленной культурологом М. М. Бахтиным. Автор подробно знакомит читателя с основной концепцией русского философа. Наследие Михаила Бахтина видится продолжением теории немецкого мыслителя Иммануила Канта. По мысли автора, Бахтин начинает там, где заканчивает Кант – с самореализации нравственной личности в мире и обществе, – делая предметом осмысления «философию поступка». Мир поступка – мир личностный, неслучайный, наполненный ответственным выбором. И в центре этого выбора находится неповторимая личность, занимающая уникальное место в ткани бытия. Идею М. Бахтина автор сопоставляет с концепцией философа Альберта Швейцера, приходя к выводу о том, что оба мыслителя по сути говорят об одном и том же, а именно об изначальном человеческом не-алиби в бытии и первичности жизненного начала как основания человеческих действий. Ответственность неустранима из человеческого бытия. В тексте раскрывается бахтинская идея диалогичности: не только и не столько обмена суждениями, сколько сопричастности творению бытия, бесконечному процессу смыслопорождения и ответственности за свое уникально привнесенное в этот творимый в большом времени «блокчейн» смыслов. Автор подчеркивает междисциплинарное значение идей М. Бахтина, выходящее далеко за рамки гуманитарных наук. Такие его идеи, как фундаментальность ответственности по отношению к свободе и сознанию, самосознание как результат «оплотняющего» диалогического взаимодействия и многие другие, сейчас подтверждаются результатами исследований в социальной семиотике, возрастной психологии и нейрофизиологии мозга. Особую актуальность данные идеи обретают сегодня в контексте интенсивной трансформации социально-культурных практик в цифровых форматах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Михаил Бахтин, ответственность, поступок, свобода воли, самосознание, субъектность

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Тульчинский, Г. Л. (2025). Философия поступка. Ответственность как рациональность сопричастности. *Образовательная политика*, 22(3), 10–18



© Тульчинский Г. Л., 2025

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under
a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 21.10.2025
Принята: 30.10.2025
Дата публикации: 20.12.2025



Григорий Львович ТУЛЬЧИНСКИЙ

д. филос. н., профессор, кафедра прикладной
политологии, отделение прикладной политологии,
факультет менеджмента,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(190068, РФ, Санкт-Петербург, Наб. канала Грибоедова, 123),
https://orcid.org/0000-0002-5820-7333,
e-mail: gtul@mail.ru

Введение

Наша реальность осознается как кризис экологии, демократии, нравственности, науки и искусства; как сильное напряжение между претензиями разума, науки, рациональности; как неизбежные срывы общественного сознания в иррациональную стихию насилия и мистицизма. Одновременное тяготение к правовой организации общественной жизни и к так называемым сильным личностям, к научно обоснованным решениям и к гороскопам.

Для осмысления этих итогов опыта XX и первой четверти XXI столетий важным представляется обращение к наследию двух мыслителей: Иммануила Канта и Михаила Бахтина. И. Кант – создатель рационалистической философии нравственности, свыше двух столетий определявшей попытки

построения общественной и личностной жизни посредством обоснования автономной морали нравственной личности. М. М. Бахтин начинает там, где заканчивает И. Кант – с самореализации нравственной личности в мире и обществе, – делая предметом осмысления «философию поступка». Согласно М. М. Бахтину, источником конкретного гуманистического начала нравственности может служить только уникально индивидуальная личность, занимающая свою неповторимую позицию в жизни. Отвлечение от этой неповторимой индивидуальной позиции личности М. М. Бахтин называл «роковым теоретизмом», т. е. подменой обоснования обобщением. В таких рамках мы оказываемся «существенно не живущими, мы отбросили бы себя из жизни, как ответственного рискованного открытого становления-поступка, в индифферентное, принципиально готовое и завершенное теоретическое бытие...» (Бахтин, 1986).

Ответственного за свои мысли и поступки социального субъекта в теоретической плоскости нет и быть не может. «Никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет. Он существует, «как если бы меня не было» – это позиция, с которой М. М. Бахтин начинает свою философию поступка как философию вменяемого, то есть сознательного и ответственного действия, включая отказ от физического действия. Мир поступка – мир личностный, неслучайный, весь наполненный

ответственным выбором. И в центре этого выбора находится неповторимая личность, занимающая уникальное место в ткани бытия, а значит и ответственная за это.

Единственность и первичность ответственности личности за любые проявления своей активности –

краеугольный камень любого права и любой нравственности. Эту силу и значение индивидуализированной личности неявно признает и абстрактный рационализм, апеллирующий к личной ответственности, спрашивающий с личности ее самоотречение и подчинение. Отказ от признания свободы выбора означал бы крушение любой этической системы, нравственности и права, а разрушительность принципа коллективной ответственности доказана временем.

Не-алиби в бытии человека

В своем комментарии к работе Бахтина (1979) Сергей Аверинцев видит глубину мировоззренческой позиции философа именно в разведении понятий этической нормы и долженствования. Согласно Бахтину (1986), конкретные этические, эстетические, научные и т. д. нормы «техничны» по отношению к изначальному долженствованию

ЕДИНСТВЕННОСТЬ И ПЕРВИЧНОСТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЗА ЛЮБЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СВОЕЙ АКТИВНОСТИ — КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ЛЮБОГО ПРАВА И ЛЮБОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

человеческого бытия. Обоснование долженствования какими-то нормами делает этику простой и абстрактной, за ней кроется самодовольство, агрессивность в сочетании с самозабвением личности. По М. М. Бахтину, содержательного долженствования вообще нет, но долженствование может сойти на любую содержательную значимость. Речь идет не о выводе ответственности как следствия, а об онтологии ответственности. Глубина концепции Бахтина заключается именно в подчеркивании первичности принципиального не-алиби в бытии человека, первичности его ответственности по отношению к любым формам активности.

Идею Бахтина о внеэтичности долженствования интересно сопоставить с, на первый взгляд, диаметрально противоположной концепцией немецко-французского философа Альберта Швейцера о первичности этического, само содержание которого он видел в ответственном самосознании, выражающемся в «благоговении перед жизнью». По сути дела, оба мыслителя говорили, фактически, об одном и том же: об изначальном человеческом не-алиби в бытии и первичности жизненного начала как основания человеческих действий. Ответственность неустраима из человеческого бытия.

Разум и рациональность сами по себе непродуктивны. Таковыми они становятся не в отвлечении от личности в «общее», а, наоборот, только в случае ее «ответственной участности» — в отсчете от ее «единственного места в бытии». Поступок объясним не из рациональности, оправдывающей достижение именно данного результата данными средствами, а только изнутри «акта моей участности» в жизни. Только через призму «участного мышления» явление может быть понято как собственно поступок, то есть как выход из мира субъективного в мир объективный.

Рациональность — только момент

«Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, там, где я принимаю ответственность за свою единственность, за свое бытие» (Бахтин, 1986). «То, что может быть совершено мною — никем и никогда не будет совершено» — вывод этот принципиально важен. Во-первых, он подчеркивает и подтверждает нелинейность поступка, который всегда необратимо совершается здесь и сейчас. Жизнь и история

движутся не законами, а поступками живых людей, в том числе и руководствующихся этими законами. Не потому поступок ответственен, что он рационален, а потому он и рационален, что ответственен.

По М. М. Бахтину, поступок не иррационален, он просто «более чем рационален — он ответственен». Рациональность — только момент, сторона ответственности — как мера ее масштабов и глубины.

В этой связи следует подчеркнуть междисциплинарное значение бахтинских идей, выходящее далеко за рамки humanities. Так, показательно, что идеи Бахтина о первичности ответственности по отношению к сознанию и разуму подтверждаются нейропсихологическими исследованиями природы формирования самосознания (Damasio, 2010). Самосознание Я возникает в процессе социализации, освоения личностью социально-культурных практик, сопровождаемого нарратией (типа «Это не чашка упала и разбилась — это ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить, но уронил. Это ты сделал!»), в которой родители, учителя вырывают личность из причинно-следственных связей, замыкая их на ней, делая актором, causa sui, причиной происходящего. Собственно, в этом заключается роль семейного воспитания, образования, освоения профессии.

И к третьему году жизни ребенок осваивает нарратацию от первого лица, рассказывая о себе, о тех действиях, которые он совершил, или собирается, или даже собирался совершить. В таких рассказах и проявляется, формируется, развивается самосознание/субъектность, как память, наделяющая человека способностью писать и переписывать «роман своей жизни» — непрерывно развивающийся, дополняющийся новыми и новыми событиями нарратив, с возможностью возврата к первым главам, иногда даже их переписывания (Хенрих, 2018; Тульчинский, 2020). Недаром простым тестом на вменяемость личности считается способность связно рассказать о себе, своих занятиях, намерениях, своей биографии. А. Дамасио называет самосознание — как уровень сознания — «автобиографической самостью» (autobiographical self), в отличие от «прото-сознания» (proto-self) как bios живого организма и «базового сознания» (core self) как чувственно выраженной телесной выделенности в потоке ощущений, реакций от рецепторики.

Субъектность — эпифеномен культуры

Самосознанием нас «грузят» «другие» в процессе социализации и освоения социально-культурных практик. Фактически прав был Фридрих Ницше, говоря, что мораль и свобода придуманы другими, чтобы оценивать нас и судить. Да, субъектность фактически — эпифеномен культуры. Тем не менее, этот эпифеномен дает возможность его носителю не только выстраивать целостный осмысленный нарратив самосознания, «роман своей памяти», но и менять этот жизненный сценарий. Именно в этой целостности длительного сохранения единичности (авторства активности) и локализуется свобода как способность придать ситуациям, в которых находит себя человек, последовательность, ясность и направление в ее сознательном осуществлении. А в сопричастности своим проектам, включая общий проект (смысла) жизни, и проявляется воля. Свобода воли — не линейный алгоритм, она встроена в динамику

процесса выстраивания истории собственной жизни и памяти этой истории.

И еще о фундаментальной междисциплинарности... Сознание и самосознание — формы (уровни) реализации фундаментальной интенциональности как саморегуляции любых целостных систем, стремления любой системы (даже простейшей физической) к сохранению своей целостности (Dennett, 1998; Dennett, 1995). Любой предмет, явление, система (камень, река, растение, звездная система) обладают интенцией как стремлением к сохранению своей целостности в определенном диапазоне (интервале) внешних воздействий. Собственно, об этом писал еще Спиноза, согласно которому, сознание в какой-то мере свойственно всему сущему как различие в степени развитости. В этом плане самосознание и субъектность по своему происхождению не противостоят природному миру (проявлениям интенциональности, включая proto-self и core self, присущие живому), а коренятся в нем, являются формами его развития, обеспечивающими гомеостаз — адаптацию и саморегуляцию достаточно сложных систем, каковыми до сих пор являются человеческие индивиды и социум, во взаимодействии которых эти качества формируются.

Смысл — порождение конечной системы, пытающейся постичь бесконечное разнообразие мира и вынужденной (в силу своей конечности) делать это с какой-то позиции, ракурса, точки зрения. Именно такой системой является человек, которому не дано всей божественной полноты знания и который всегда постигает этот мир со своей неповторимой позиции. В этом плане и раскрывается содержание бахтинской идеи диалогичности как не только и не столько обмена суждениями, сколько сопричастности творению бытия, бесконечному процессу смыслопорождения и ответственности за свое уникально привнесенное в этот творимый в большом времени «блокчейн» смыслов.

В самосознании петля обратной связи резонанса с телом дополняется рефлексивным самоописанием самости («странная петля» (Хофштадтер, 2022)). Как и любая содержательная система самоописания, она

противоречива, саморазличима и апофатична, что делает ее интерфейсом, обеспечивающим «позицию вненаходимости» по отношению к конкретным ситуациям: от научно-технического и художественного творчества до смеховых практик.

Фактически субъектность, семиотическое по своей природе образование, является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого предстает любой индивид, обладающий самосознанием. Сама по себе субъектность не дана. Как трансцендентальный субъект, она подобна слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, обеспечивает возможность зрения. Так и субъектность, сама физически не наблюдаемая, обеспечивает возможность познания. Она является пробелом в бытии – незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам.

Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Самосознающая личность – «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. Это обстоятельство делает субъектность самости главным источником пластичности, динамики человеческой психики, обеспечивающей ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития (Асмолов и др., 2018), творчество, возможности пластичности поведения, расширения горизонтов прошлого и будущего – всего того, что отличает человеческую цивилизацию. Поэтому субъектность с полным правом можно считать решающим фактором, который до сих пор определял успехи человеческой цивилизации, включая развитие технологий и цифровизацию.

Более того, как рефлексивное самописание, субъектность противоречива, то есть допускает «А» и «не-А», а значит, открыта дополнениям универсума рассуждения. Это делает субъектность универсальным интерфейсом для дополнения, смены и порождения различных контекстов, открывая возможность дополнения реально сущего воображением (Золян & Тульчинский, 2024; Золян и др., 2024).

В этой связи представляется важным различать субъектность, идентичность и агентность. Субъектность – рефлексивное самописание, ответственное самосознание самости. Как точка сборки свободы

и ответственности, она суть форма, наполнение которой конкретным социально-культурным опытом выступает идентичностью, каковая суть содержание, наполнение, социальная конкретизация субъектности. Агентность, в отличие от субъектности и идентичности, не

предполагает противоречивой рефлексии, она технорациональна, алгоритмична – даже если связана с моделированием «креатива», как игры нейросетей с текстами и изображениями. В силу своей рефлексивности, противоречивости и открытости различным контекстам осмысления субъектность выступает интерфейсом возможного разнообразия идентичностей и проявлений агентности. В нейропсихологии такие ситуации диагностированы и систематизированы (Бернс, 2025).

При этом вся история развития технологий и их использования может быть представлена как укрощение субъектности с помощью агентности. Сначала это были простые инструменты, как органопроекции, полностью и непосредственно зависимые от пользующегося ими человека. Потом появились механические машины, которые в своем использовании уже зависели от человека довольно косвенно. Самообучающиеся электронные нейросети являются логичным

продолжением этого тренда, когда человек из пользователя превращается фактически в опцию новой искусственной среды обитания. Чтобы избежать такой перспективы, важно понимать, что субъектность и агентность не противостоят, а дополняют друг друга. Между ними необходимы баланс, симбиоз и коэволюция, обеспечивающие развитие. При этом необходимо учитывать, что у субъектности и агентности разные, но предполагающие и дополняющие друг друга ответственности. Если у агентности она порождается нарушением алгоритма, заданного и технологически обеспеченного нормативного правила, то у субъектности это ответственность за создание, воплощение нового мира, преодоление данной действительности, игру воображения.

Совесть чиста? Ее нет

Главное, однако, в этом процессе то, что речь идет о субъектности, взятии индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти. И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к ответственности. Именно в этом плане глубоко и принципиально прав был М. М. Бахтин в размышлениях об отсутствии у человека «алиби в бытии». Сознание, разум – не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее. От самозванства, а точнее, самодурства разума свободу человеческой личности оберегает совесть, которая по самой своей природе не может быть «чистой». Если совесть чиста, то ее нет. Если я говорю, что «моя совесть чиста», это означает, что в этой ситуации меня нет, разбирайтесь без меня. Совесть, если она есть, «по определению» не чиста. «В сознании (совести) реализуется личная экзистенция человека, оно требует личных усилий понимания происходящего, в то время как разум нуждается только в ясном выражении знаний и соблюдении объективных правил оперирования ими» (Шрейдер, 1989).

Если ответственность вторична по отношению к рациональным схемам, производна от них, то итогом будет рационалистический утопизм, переходящий в практику бюрократического тоталитаризма. Попадая в ситуацию долженствования внешнего «надо», человек лишается субъектности, которая заменяется простой функциональной агентностью. Не случайно бюрократические административно-командные методы управления всегда апеллируют к «организованному энтузиазму», но ни в коем случае не к самостоятельной инициативе личности. Любое сомнение в необходимости этого «надо» рассматривается как опасное самомнение, противопоставление обществу, подлежащее искоренению. В жизни общества не находится места инициативе, свободе воли и достоинству личности. Драма, если не трагедия, личностей, а то и целых поколений, которые были разбужены обществом для «культурного подвига», но оказались «лишними», – давняя тема русской литературы (Давыдов, 2012).

Но если разум есть следствие ответственности, путь познания ее меры и глубины, то итог – сознание нравственного и гражданского долга свободной личности. Свобода поступка, понимаемая согласно принципу «не могу иначе», есть по сути дела осознание личностью своего призвания. Как писал А. де Сент-Экзюпери, «если, желая оправдать себя, я объясняю свои беды злым роком, я подчиняю себя злему року. Если я приписываю их измене, я подчиняю себя измене. Но если я принимаю всю ответственность на себя, я тем самым отстаиваю свои человеческие возможности. Я могу повлиять на судьбу того, от чего я не отделаю».

Нравственен только «внутренний» долг, взятый на себя самим человеком, а этика долга возможна только в качестве «внутренней», субъективной, применительно к самому себе, когда ты обязан всем, а тебе никто. Если этика долга применяется к другим, она становится безнравственной, ведет к насилию. Долг и внешнее «надо» спекулируют на идее свободы как осознанной необходимости. Она представляется

в буквально утрированном виде: осознал необходимость — свободен, не осознал — «десять лет лагерей без права переписки». Граждане такого общества живут, фактически, в условиях чрезвычайного положения, когда уборка урожая становится «битвой за хлеб», учение — «борьбой за успеваемость», организация досуга — «культурным фронтом» и т. п. Героизм граждан дополняется и подкрепляется «правами» носителей власти, бюрократов, для которых типичным оказывается обостренное чувство «собственного достоинства», а его мерой становится служебное положение.

В свою очередь, человеческое достоинство — категория не внутренне-личностная (вроде гордыни), а внешне-социальная, проявление и выражение признания обществом за личностью ее достоинства и свободы воли. Другими словами, безнравственны как «внешняя» социальная этика долга, так и «внутренняя» личностная этика «достоинства».

И наоборот: нравственны социальная этика «человеческого достоинства» и личностная этика долга.

Человек, не познавший пределов своей свободы и ответственности, внеэтичен. Общество вне своих пределов и границ относительно личности безнравственно, близко к «беспределу» уголовного мира. Традиционные общества ограничивали этичность (свободу = ответственность) этносом, позже расой, нацией, классами. А. Швейцер распространял этическое на все живое. В нынешних условиях научно-технического прогресса этическое самоопределение в смысле очерчивания предела свободы и ответственности распространяется уже практически на всю среду обитания человека, на природу в целом.

Философия нравственности

Как в реальной практике живой нравственности и политики долг и ответственность едины, так же Кант и Бахтин сходятся в итогах построения философии нравственности. Существенным, однако, оказывается не только сам долг, но и путь к нему. Путь от разума к долгу есть путь самозванцев на ярмарку тщеславия или в казарму. Путь от ответственной участности и не-алиби в бытии к их рациональному осознанию есть путь нравственного выбора и свободы воли.

Структура концепта ответственности, ее формы известны (Лисанюк & Перов, 2014). Но, в конце концов, — перед кем ответственность? Традиционный рационализм восходит к античной идее «техне» — искусного искусственного преобразования действительности. Эта традиция много дала человечеству. Она является определяющей для становления и развития науки,

просвещения, научно-технического прогресса, деловой активности... Абсолютизация именно этой традиции «технической» или «технологической» рациональности, когда ответственность выражается в следовании некоему канону, нормативному алгоритму, за которым стоит заданное, внешне кем-то принятое решение, и ведет к рассмотренным выше крайностям абстрактного рационализма.

Эта же традиция отказывается как от иррационального — от совести, греха, покаяния, стыда, — так и, в конечном счете, как было показано, от ответственности и вменяемости. Этот вид рациональности ведет к самодостаточности отдельных сфер применения разума: в науке — к крайностям сайентизма, в искусстве — к формалистической эстетике, в технике — к абсурдности

СОЗНАНИЕ, РАЗУМ — НЕ ТОЛЬКО ВТОРИЧНЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ, НО И ЯВЛЯЮТСЯ ЕЕ ИНСТРУМЕНТОМ, МЕРОЙ ОСОЗНАНИЯ СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВЛИЯНИЯ НА ПРОИСХОДЯЩЕЕ

самоцельного техницизма, в политике — к проявлениям макиавеллизма. Кризис распадающегося на самоцельные, не стыкующиеся друг с другом сферы бытия во многом является следствием безудержной экспансии «технической» рациональности, доходящей до объединения цифровых технологий в «экосистемы».

Бахтинская философия поступка тяготеет к иному типу рациональности, восходящему к античной идее «космоса» — естественной гармонической целостности мира (Тульчинский, 2013). Восточным ее аналогом является идея дао-истины как дао-пути — единственного и неповторимого в целостности мира. Этот тип рациональности связан с категориями гармонии и меры. Понимание человеческого бытия в этой традиции — реализация не абстрактного общего, а конкретной сопричастности целостности бытия, как со-бытия, в том числе социального. Это позволяет вполне рационально ставить вопрос о природе изначальной ответственности и не-алиби в бытии, чувствовалищем чего и является совесть с ее упомянутым «парадоксом чистой совести». Речь идет об ответственности за гармонию целости бытия, частью (не элементом!) которого является индивидуально неповторимая личность, за свой — именно свой, а не воспроизводящий другие — путь и «тему» сопричастности этой целостности бахтинского бесконечного диалога.

При этом «техническая» рациональность не отбрасывается, она необходима как инструмент, средство познания своего места и пути, а разум выступает мерой масштаба и глубины свободы/ответственности. И недостаток знаний, «техническая» некомпетентность не освобождают от ответственности изначальной, которая «более чем рациональна» в традиционно-техническом плане, где основой, онтологическим допущением становится акт мысли, а существование выводится из собственно мысли.

НЕ ЧЕЛОВЕК — РАБ ИДЕЙ, А ИДЕИ — ОДНА ИЗ ФОРМ ЕГО БЫТИЯ В МИРЕ

Полифония — не принадлежность множеству, не общность элементов в множестве, объединенных одним свойством, а сложность и проникновение с сохранением индивидуальности, часть целостности и отдельность в ней, именно — сопричастность. Такую сопричастность можно считать любовью — единством не рядоположенным в какой-то рамке, а в новой целостности. «В первом царстве — Отца, Ветхом завете, открылась власть Божия как истина; во втором царстве — Сына, Новом завете, открывается истина как любовь; в третьем, и последнем царстве — Духа, в Грядущем завете, откроется любовь как свобода» (Мережковский, 2021). Остается только по-бахтински уточнить: свобода как ответственность.

Вопрос о природе этой инорациональности — вопрос иного уровня и горизонтов философского осмысления поведения и нравственности человека. Сущность человека с этой точки зрения — в его единстве и сопричастности целостной гармонии мира. Не потому я един с ним, что мыслю, а потому мыслю, что един с ним и с другими. Не человек — раб идей, а идеи — одна из форм его бытия в мире. Факт того, что разум, знания, логика универсальны и бесчеловечны, до конца открылся лишь в нашем столетии, когда не только бытийно установилась бесчеловечность этих феноменов, но и когда они оказались выведены за пределы человека в компьютерные информационные системы, стали общедоступным достоянием, техническим средством, перешли в «техне» алгоритмов без и вне человека.

Заключение

Современный человек, если он еще желает быть таковым, и современная культура, если она хочет быть путем развития человека, возможны как реализация ответственной субъектности, участного мышления, сопричастности целостной гармонии бытия,



его бесконечной бахтинской диалогичности. Путь добродетели, путь к другим начинается в сердце каждого, и пройти его, осознав свою ответственность и единство,— дело работы души каждого и самого. Как говорил философ Григорий Померанец, бытие коренится в сердце души человека.

Список источников / References

Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., & Черноризов, А. М. (2018). *Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции*. Акрополь.

Бахтин, М. М. (1986). К философии поступка. Философия и социология науки и техники. *Ежегодник 1984–1985* (с. 82–160). Наука.

Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Искусство.

Бернс, Д. (2025). *Терапия тревоги, настроения, депрессии*. АСТ.

Давыдов, А. П. (2012). *Неполитический либерализм в России*. Мысль.

Золян, С. Т., & Тульчинский, Г. Л. (2024). *Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика*. ИД ЯСК.

The Philosophy of the Act Responsibility as the Rationality of Participation

Grigorii L. Tulchinskii
PhD in Philosophy, Professor, Department of Public Administration, Saint-Petersburg School of Social Sciences, HSE Campus in St. Petersburg (123, The Griboyedov Channel Emb., Saint-Petersburg, Russian Federation, 190068), <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>, e-mail: gtul@mail.ru

ABSTRACT The article examines the content of the philosophy of the act presented by a prominent Russian philosopher, literary critic, and cultural theorist Mikhail Bakhtin. The author provides the reader with a particularly detailed introduction to the Russian philosopher’s main concept. According to the author, Mikhail Bakhtin’s legacy can be seen as a continuation of the theory of another German thinker, Immanuel Kant. Bakhtin begins where Kant ends — with the self-realisation of the moral personality in the world and society, making the ‘philosophy of the act’ the subject of reflection. The world of action is a personal world, not a random one, filled with responsible choices. And at the centre of these choices is a unique personality that occupies a unique place in the fabric of existence and is therefore responsible for it. The author compares M. Bakhtin’s idea with the concept of the German-French philosopher Albert Schweitzer, concluding that both thinkers are essentially talking about the same thing, namely the original human non-alibi-in-being and primacy, the vital principle as the basis of human actions. Responsibility is inseparable from human existence. The text reveals Bakhtin’s idea of dialogism: not only and not so much an exchange of judgements, but rather a participation in the creation of existence, an endless process of meaning-making and responsibility for one’s own unique contribution to this ‘blockchain’ of meanings created over a long period of time. The author emphasises the interdisciplinary significance of Bakhtin’s ideas, which go far beyond the humanities. Bakhtin’s ideas, such as the fundamental nature of responsibility in relation to freedom and consciousness, and self-awareness as a result of ‘solidifying’ dialogical interaction and many others are now confirmed by research findings in social semiotics, developmental psychology, and brain neurophysiology. These ideas are particularly relevant today in the context of the intensive transformation of socio-cultural practices in digital formats.

KEY WORDS Mikhail Bakhtin, responsibility, act, free will, self-awareness, subjectivity

TO CITE Tulchinskii, G. L. (2025). The Philosophy of the Act. Responsibility as the Rationality of Participation. *Educational Policy*, 22(3), 10–18

© Tulchinskii G. L., 2025

Received: 21.10.2025
Accepted: 30.10.2025
Date of publication: 20.12.2025

Золян, С. Т., Тульчинский, Г. Л., & Чернявская, В. Е. (2024). *Прагмасемантика и философия языка*. ИД ЯСК.

Лисанюк, Е. Н., & Перов, В. Ю. (ред.) (2014). *Философия ответственности*. Наука.

Мережковский, Д. С. (2021). *Грядущий хам. Больная Россия*. Рипол-классик.

Тульчинский, Г. Л. (2013). Рациональность и инорациональность ответственности. *Рациональность и культура* (с. 153–173). Алетейя.

Тульчинский, Г. Л. (2020). *Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе*. Алетейя.

Хенрих, Д. (2018). *Мышление и самобытие. Чтения о субъективности*. Весь мир.

Хофштадтер, Д. Я. (2022). *Странная петля*. АСТ.

Шрейдер, Ю. А. (1989). Сознание и его имитации. *Новый мир*, 11, 245.

Damasio, A. (2010). *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. Pantheon.

Dennett, D. C. (1991). *Consciousness explained*. Little, Brown and Co.

Dennett, D. C. (1998). *Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology*. MIT Press.

